

УДК 94

Митрополит Калужский и Боровский
Климент (Герман Михайлович Капалин)

Metropolitan of Kaluga and Borovsky
Clement (German Mikhailovich Kapalin)

СЛУЖЕНИЕ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА ИНСПЕКТОРОМ
НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

MINISTRY OF SAINT THEOPHAN INSPECTOR OF THE
NOVGOROD THEOLOGICAL SEMINARY

Аннотация. В ноябре 1842 года иеромонах Феофан (Говоров) был назначен на должность инспектора Новгородской семинарии. Новгородская семинария была одним из старейших учебных заведений Русской Церкви, начало которой было положено в 1706 году. Она имела богатейший библиотечный фонд, что способствовало приобретению студентами навыков работы с книгами. Являясь инспектором, святитель Феофан осуществлял наблюдение за учебно-воспитательным процессом семинарии. Главным его принципом было раскрытие перед студентами глубины православного учения и добродетельной жизни на основе учений отцов Церкви. Не только во время лекций, но и вне занятий он учил юношей постоянному памятованию о Боге, умеренности в отношении к материальным потребностям и труду. В 1843 году в журнале «Маяк» была опубликована первая статья святителя Феофана, и с этого времени начались многолетние отношения с издателем журнала С. О. Бурачек.

Annotation. In November 1842, hieromonk Theophan (Govorov) was appointed to the post of inspector of the Novgorod seminary. The Novgorod Seminary was one of the oldest educational institutions of the Russian Church, which was founded in 1706. It had a rich library fund, which contributed to students gaining skills in working with books. As

an inspector, Saint Theophan supervised the educational process of the seminary. His main principle was to reveal to the students the depth of Orthodox teaching and a virtuous life based on the teachings of the Church Fathers. Not only during the lectures, but also outside the classes, he taught young men constant remembrance of God, moderation in relation to material needs and work. In 1843, the first article of Saint Theophan was published in the magazine «Mayak», and from this time began a long-term relationship with the magazine's publisher S.O. Burachek.

Ключевые слова: иеромонах Феофан (Говоров), Новгородская духовная семинария, инспектор Новгородской семинарии, библиотека, лекции, воспитание.

Key words: hieromonk Theophan (Govorov), Novgorod theological Seminary, the inspector of the Novgorod Seminary, library, lectures, education.

После окончания Киевской духовной академии иеромонах Феофан (Говоров) был назначен на должность руководителя и учителя Киево-Софийских духовных училищ [6, 114–124].

Пребывание иеромонаха Феофана в Киеве и духовное укрепление у его древних святынь было непродолжительным. Менее чем через полтора года он был переведен в Новгородскую духовную семинарию. На заседании Святейшего Синода 13 ноября 1842 года обер-прокурор граф Н. А. Протасов назвал имена двух кандидатов на вакантную должность инспектора Новгородской семинарии, представленных митрополитом Киевским и Галицким Филаретом (Амфитеатовым) из числа наставников духовных школ, подведомственных Киевской духовной академии. Помимо смотрителя Киево-Софийских училищ иеромонаха Феофана предлагался также профессор Полтавской семинарии иеромонах Феодосий (Шаповаленко)¹ [20, 1–2 об.]. Из этих двух кандидатов

¹ Феодосий (Шаповаленко; 1811–1883) впоследствии был инспектором Полтавской духовной семинарии (1843–1845) и ее ректором (1852–1861); с 1863 г. — епископ Тамбовский и Шацкий, скончался архиепископом Вологодским и Устюжским.

27 ноября того же года инспектором Новгородской семинарии был утвержден иеромонах Феофан [14, 3–3 об.], а 7 декабря состоялось его назначение, причем вместе с инспекторской должностью он получил место профессора психологии и логики [19, 12–14; 31, 3; 23, 423].

Начало Новгородской духовной школы было положено в 1706 году основанием греко-славянского училища правящим архиереем. Митрополит Иов² был церковным иерархом широких взглядов, состоял в переписке с просвещенными современниками, причем и с «грекофилами», и с «латинствующими», которые были идейными оппонентами. Но в вопросах образования он был сторонником православных святоотеческих традиций и не допускал латинскую схоластику в школьное преподавание.

Руководили архиерейской школой и преподавали в ней братья Иоанникий и Софроний Лихуды, которые придерживались учебного плана, разработанного ими прежде для Московской славяно-греко-латинской академии, за исключением латинского языка, который в Новгороде не изучался. «Школа эта была прямой предшественницей ныне существующей семинарии, — сообщалось в историческом очерке к 150-летию Новгородской духовной семинарии. — Она и по курсу (то есть учебному плану — М. К.) стояла выше обыкновенных архиерейских школ того времени, и ее ученики составили первый курс (то есть набор учащихся — М. К.) при учреждении архиепископом Амвросием³ семинарии в Антониеве монастыре⁴» [28, 137] в 1740 году.

Открывая семинарию для подготовки церковных кадров (в первую очередь священно- и церковнослужителей, преподавателей духовных школ), архиепископ Амвросий планировал устроить в Новгороде центр духовного просвещения по примеру Киевской духовной академии, воспитанником и преподавателем которой был он сам. С того времени ректор и преподаватели учрежденной им семинарии также были выпускниками киевской духовной школы, что обусловило переориентацию учебного процесса на

² Иов (+1716), митрополит Новгородский и Великолуцкий (1697–1716).

³ Амвросий (Юшкевич, около 1690–1745) — архиепископ Новгородский и Великолуцкий (1740–1745).

⁴ Монастырь преподобного Антония Римлянина в Новгороде.

латинизированное научное направление. Существовавшее еще некоторое время греко-славянское училище служило для семинарии подготовительной базой.

Глубоко чтимый иеромонахом Феофаном святитель Тихон Задонский был учеником первого набора (1740 года) семинарии, до поступления в которую он учился в греко-славянской школе. Еще будучи студентом выпускного класса, он начал преподавать в семинарии греческий язык, а после ее окончания в 1754 году — риторику, став одним из первых преподавателей из числа выпускников семинарии. Во время пребывания в Новгородской духовной семинарии у него зародилось желание избрать иноческий путь. Впоследствии оно укрепилось благодатным откровением, которое посетило молодого преподавателя во время размышления о вечном блаженстве [4, 8–12]. В 1758 году здесь же, в Новгороде, он был пострижен в монашество с именем Тихон ректором семинарии и настоятелем монастыря святого Антония Римлянина архимандритом Парфением (Сопковским)⁵. Летом того же года будущий святитель Тихон стал учителем философии, а еще через полгода — префектом⁶, прослужив в Новгороде еще около полугода до своего перевода в Тверскую семинарию.

Мысль о преемстве должна была утешать иеромонаха Феофана, которому пришлось вести подобную учебную и административную деятельность в стенах того же учреждения духовного образования. Можно предположить, что обращение к опыту — деятельному и созерцательному — любимого им с детства просвещенного подвижника нередко помогало ему находить правильный выход из различных затруднений и непростых жизненных ситуаций, которые связаны с деятельностью наставника юношества в любые времена.

Первые десятилетия своего существования Новгородская духовная семинария отличалась от других подобных заведений

⁵ Парфений (Сопковский, 1717–1795) впоследствии был епископом Кексгольмским и Ладожским, викарием Новгородской епархии (1759–1761), затем — епископом Смоленским и Дорогобужским (1761–1795).

⁶ Префект был помощником ректора, в его обязанности входил непосредственный надзор за точным исполнением всех порядков, установленных в семинарии.

расширенной программой обучения (как духовные академии) и хорошим материальным обеспечением⁷, что позволяло ежегодно пополнять фонд семинарской библиотеки: по штату 1740 года на приобретение книг ежегодно полагалось по триста рублей [2, 17]. На территории Антониева монастыря для семинарской библиотеки было построено отдельное каменное здание, «одно из первых в истории русской архитектуры» [1]. Основу библиотечного фонда составили рукописи и книги на разных языках, собранные митрополитом Новгородским Иовом, часть богатой книжной коллекции братьев Лихудов, а также обширные собрания книг новгородских архиереев Феофана (Прокоповича)⁸, Амвросия (Юшкевича), Стефана (Калиновского)⁹, Димитрия (Сеченова)¹⁰, Гавриила (Петрова)¹¹.

После 1788 года, когда старшие классы были переведены в столицу и оставшаяся в Новгороде духовная школа не только по названию, но и по программе обучения стала семинарией, ее материальное обеспечение значительно снизилось. Тем не менее библиотека Новгородской семинарии по-прежнему оставалась уникальным книгохранилищем. Составленный в 1799 году каталог библиотечного фонда семинарии включал в общей сложности около 6 500 наименований [3, 16]. В их числе были древние рукописи и редкие издания (инкунабулы, палеотипы, старопечатные книги) на латинском, греческом, старославянском и

⁷ Новгородская семинария получала штатное жалованье, что было исключением из общего правила [28, 141]. Государство выделяло на ее содержание более крупные суммы, чем на многие другие духовные школы. Так, в 1765 году штатное содержание Новгородской семинарии (8285 рублей) почти в 2 раза превосходило содержание Московской духовной академии (4847 рублей) [2, 3–8].

⁸ Феофан (Прокопович, 1681–1736), архиепископ Новгородский (1725–1736).

⁹ Стефан (Калиновский 1700–1753), архиепископ Новгородский и Великолуцкий (1745–1753).

¹⁰ Димитрий (Сеченов, 1709–1767), митрополит Новгородский и Великолуцкий (1757–1767).

¹¹ Гавриил (Петров, 1730–1801), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1770–1799), затем Новгородский и Олонецкий (1799–1800).

других языках. По мнению специалистов, в начале XX века библиотека Новгородской семинарии представляла собой весьма богатое собрание книг, «которое, уделив часть своих сокровищ, и даже лучшую, Петербургской духовной академии» по-прежнему признавалось «лучшим и более крупным из существующих при духовных семинариях» [24].

Богатый библиотечный фонд активно использовался в учебном процессе. Чтению книг в Новгородской семинарии отводилось специальное время — полтора часа после вечерни, на что подавался звонок. Инструкцией 1761 года строго, под угрозой публичного наказания, предписывалось читать книги каждый день всем учащимся «без изъятия и никто бы каким другим делом не отговаривался» [1], что указывает на большое значение, которое придавалось чтению. В обязанности учителей входило спрашивать каждого ученика об авторе читаемой книги, ее содержании и сделанных выписках, а если возникали затруднения, учитель должен был пояснять ученику то, что тот не смог понять в прочитанном.

Это поддерживало высокий уровень гуманитарных знаний преподавателей и учащихся Новгородской семинарии. Об этом сохранилось свидетельство и самого иеромонаха Феофана, который в частной переписке замечал, что «здесь [в Киеве — прим. М. К.] мало ученых. Там, в Новгороде, может быть найдется что» [17, 1], выражая намерение подыскать племяннику подходящую книгу по логике и психологии для учебы в семинарии. Цитируемые строки были написаны святителем 11 января 1843 года. Из содержания данного письма следует, что в это время он еще пребывал в Киеве, собираясь выехать к месту своего нового служения. Иеромонаха Феофана не пугала дальняя дорога на север страны: «Далеко, да лучше, — писал он о предстоящем ему переезде. — ...Повижу свет и буду бывальый» [17, 1].

В Новгороде иеромонах Феофан был окружен близкой ему по духу монастырской обстановкой. Семинария располагалась на территории монастыря преподобного Антония Римлянина в пригороде Новгорода, и ее ректор одновременно был архимандритом этого монастыря. Как правило, он совершал постриги в монашество учащихся, выпускников и преподавателей семина-

рии, а также духовно окормлял семинарских постриженников. Монастырские богослужения и святыни древней обители объединяли и освящали жизнь семинарии, ее воспитанников и наставников. Один из ее известных выпускников — архимандрит Фотий (Спасский), настоятель Юрьева монастыря, вспоминал свои семинарские годы: «Древний храм преподобного Антония имел на меня великое влияние в течение всего курса моего учения семинарского и жития в семинарии внутри монастыря. Когда я приходил по обычаю с прочими в притвор церковный на молитву, то всегда мне приходилось стоять противу того камню, на коем святой Антоний приплыл из Рима в два дня и две ночи по водам. На нем образ написан св. Антония, плывущего на камне по водам с травинкою в руке, здесь же и прочие вещи, приплывшие за ним по Божию смотрению, были» [25, 85–87].

Недостаток непосредственного общения со своими киевскими духовниками будущий святитель восполнял чтением святоотеческих творений из библиотеки семинарии, а также из своей личной библиотеки, которую регулярно пополнял, к чему советовал приучать и своего племянника в письме к его отцу и своему зятю священнику Владимиру Макринову: «Братец! приучайте его к собственности книжной. Пусть он каждую треть приобретает себе хоть какую-нибудь книжонку; отсюда он перейдет к собственности выписной, а дальше — умовой, и дело его будет очень исправно» [17, 1].

Назначение иеромонаха Феофана в Новгород пришлось на первые годы двенадцатилетнего ректорства архимандрита Антония (Павлинского)¹². Впоследствии, став архиереем, он примет управление Владимирской кафедрой от святителя Феофана после его удаления на покой в Вышенскую пустынь. Архимандрит Антоний уделял пристальное внимание хозяйственному устройению Новгородской семинарии и ее территории, заботился об улучшении быта ее воспитанников.

¹² Антоний (Павлинский, 1801–1878) был ректором Новгородской духовной семинарии в 1840–1852 годах, затем викарным епископом (1852–1854), последовательно возглавлял Архангельскую, Нижегородскую, Волынскую и Владимирскую епархии, скончался архиепископом Владимирским и Суздальским.

Коллегами иеромонаха Феофана по педагогическому коллективу Новгородской семинарии были учитель истории и канонического права Ф. Я. Жураховский, учитель геометрии, пасхалии, естествознания и французского языка Т. Е. Добронравов и учитель математики А. В. Добрынин¹³. Все они, как и ректор, были выпускниками Санкт-Петербургской духовной академии.

Будучи инспектором, иеромонах Феофан осуществлял непосредственное наблюдение за учебно-воспитательным процессом в семинарии. В годы наставничества и преподавания в Новгороде будущий святитель следовал педагогическому подходу, выработанному во время служения в Киево-Софийских училищах. Как наставник, он много времени проводил со своими воспитанниками, раскрывая для них глубину православного богослужения, научая добродетельной жизни, приучая к физическому и умственному труду, воспитывая в них творческое начало.

Определяя круг внеклассного чтения, «он советовал юношам больше читать книги религиозно-нравственного содержания, особенно Священное Писание и писания святых отцов и сказания об их поучительной жизни, подвигах и трудах», позволяя «читать и книги с человеческой мудростью, но книги хорошего направления и не противоречащие словесам Божественным» [9, 108–109]. Во время бесед и совместных прогулок он учил их заботе о постоянном устремлении всех сил души к Богу, разумной умеренности в отношении к телесным нуждам, самоконтролю и осознанному выбору добра в различных жизненных ситуациях.

Инспектор постоянно присутствовал при чтении семинаристами утреннего и вечернего правил, а по выходным и праздничным дням обычно служил Литургию и разъяснял учащимся благодатную силу таинств Покаяния и Евхаристии. Во время совместных молитв он своим примером приучал семинаристов к усердному предстоянию пред Богом, «советуя им постоянно молиться, особенно перед каждым делом и в затруднительных обстоятельствах» [9, 108–109].

¹³ В монашестве Александр (Добрынин, 1820–1885) был викарным епископом Литовской епархии с 1860 года, затем епископом Минским и Бобруйским (1868–1877), архиепископом Донским и Новочеркасским (1877–1879), скончался архиепископом Литовским и Виленским.

Прибегал иеромонах Феофан и к такому действенному средству воспитания, как пастырское слово, основанное на личном опыте проповедника. Обращаясь к семинаристам, он подчеркивал первостепенную важность аскетического подвига, личных усилий в деле усвоения спасения, дарованного во Христе всем людям. Так, при произнесении слова на праздник Воздвижения Честного Креста Господня в 1843 году иеромонах Феофан подчеркнул, что «...живоносный от Креста источник не разливается сам собою для оживления не имеющих жизни, как разливался четырьмя потоками райский источник напоити лице земли. Нам самим должно приблизиться к нему, чтоб оживить свой омертвевший состав его животворной силой, самим должно подклониться под сень его, чтоб костям сухим и мертвым он дал жилы, возвел на них плоть, простер по ним кожу и вселил дух свой в них (Иез. 37:6). А без сего Крест вечно будет заключать в себе жизнь, а мы по-прежнему можем оставаться мертвыми» [27, 199].

В слове на праздник Святой Пасхи 1844 года отец инспектор увещал своих воспитанников «...не только отрывать сильные страсти — гнев, тщеславие, невоздержание и др., но удаляться даже от невинных, по-видимому, удовольствий, развлечений, увеселительных собраний и др.», заменяя их посещением «храмов Божиих, богоугодных заведений и жилищ несчастных» [26, 109]. Воспитывая в семинаристах качества гражданина и патриота России, иеромонах Феофан подчеркивал: «Именоваться и быть Божиим: вот единственно прочное и незыблемое основание величия и благоденствия для всякого народа!» — и связывал любовь к Родине с верой в Единого истинного Бога: «Вот к чему обязывает нас наша любовь к отечеству! Вот чем можем мы засвидетельствовать искренность своего ему благожелания и готовность содействовать общему его благу! Благодарным исповеданием милостей к нам Божиим, преданностию Его Премудрой и Святой воле, и ревностным исполнением Его заповедей» [26, 296].

Среди воспитанников святителя в Новгородской семинарии было немало будущих священнослужителей, преподавателей духовных и светских школ. В числе наиболее известных из них можно назвать наместника Александро-Невской Лавры архимандрита Антония (Люцернова), полкового протоиерея Феодора

Смелова, который вместе со своим полком совершил переход через Балканы во время Русско-турецкой войны (1877–1878), петербургского проповедника и церковного писателя священника Василия Смарагдова, новгородского писателя краеведа Ф. Ф. Пардалоцкого.

Как преподаватель, иеромонах Феофан в первую очередь обучал семинаристов правильному пониманию соотношения научного и религиозного знания. Будучи воспитан в уже освободившейся от схоластики Киевской духовной школе, он выступал оппонентом сторонников прежнего формализма в обучении. Говоря о духовном образовании, святитель Феофан подчеркивал, что его целью должно быть расположение духа «учеников, чтобы у них не погасло убеждение, что главное у нас дело есть богоугодие, а научность есть придаточное качество, случайность, годная только на время настоящей жизни» [29, 49–50].

Излагая на уроках логики и психологии различные философские системы и освещая передовые научные достижения, иеромонах Феофан приучал учеников всегда соотносить их со Священным Писанием, мнением святых подвижников и учителей Церкви. Основываясь на святоотеческом учении и опыте самонаблюдения, он старался пробудить в учащихся желание обрести «истинно внутреннее самосознание душевных явлений и состояний... чтобы видеть свое человеческое достоинство и свои нравственные недостатки» [9, 109–110].

Серьезной ошибкой обучения, по мнению святителя, является передача научных сведений «без всякого внимания к истинной вере», потому что «дух у нас один. Он же принимает науки и питывает их началами, как принимает веру и проникается ею» [29, 50]. Так в своей преподавательской деятельности иеромонах Феофан возвращал новгородской духовной школе те традиции, которые были заложены при ее основании еще митрополитом Иовом, братьями Лихудами и их учениками.

На праздник Пасхи 1843 года иеромонаху Феофану был вручен магистерский крест — особый знак отличия для кандидатов богословия, который носился в петлице, укрепленной в воротнике рясы. Совокупность событий, связанных с присуждением ему ученой степени, охватывают почти два года. Их удалось восста-

новить по упоминаниям в официальных документах из нескольких архивов. Итак, приведем их в хронологической последовательности.

В июле 1841 года в Санкт-Петербург из Киева были доставлены и препровождены обер-прокурору курсовые сочинения выпускников духовной академии, среди них было и «Обозрение подзаконной религии, как она дана Богом чрез Моисея народу Израильскому» иеромонаха Феофана (Говорова) [11, 31; 21, 951]. По обычаю тех лет первым их рецензентом стал святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский. Этот «строгий ценитель» милостиво отнесся к работам киевских выпускников, о чем сообщал из столицы святитель Киевский Филарет (Амфитеатров) [8, 917 об.].

Полтора года спустя, 9 декабря следующего 1842 года Синод заслушал рецензии на магистерские сочинения, в том числе на диссертацию иеромонаха Феофана. Святитель Филарет Московский признавал, что «сочинение сие заключает в себе столько сведений и соображений о законе Моисеевом, что они служат достаточным свидетельством познаний сочинителя, дающих ему право на степень магистра» [21, 13 об. — 14 об.]. Однако после слов одобрения в отзыве святителя следовали свойственные ему критические замечания с выводом о необходимости весьма существенной доработки «для соображения подзаконной религии с христианскою, к которой она приготовляла» [22, 13 об. — 14 об.]. Справедливо будет отметить, что рекомендованное святителем дополнение вполне может служить темой для отдельной диссертации.

Заседания Синода, посвященные обсуждению магистерских диссертаций, проходили в декабре 1842 года. Всего от киевской академии было подано 25 сочинений соискателей. Помимо мнения московского святителя Филарета, прозвучали заключения святителя Гавриила (Городкова)¹⁴ и обер-священника армии и

¹⁴ Гавриил (Городков, 1785–1862) в то время был архиепископом Рязанским и Зарайским, оставался на Рязанской кафедре до 1858 г., когда был уволен на покой в монастырь, в 1999 году прославлен в лике местночтимых святых Рязанской епархии.

флотов протоиерея Василия Кутневича¹⁵ «о достоинстве рассмотренных ими сочинений, равно и об ученой степени, какую по оным заслуживают сочинители» [5, 426]. В результате определением от 9/18 декабря Святейший Синод утвердил в степени магистра богословия авторов 23 сочинений и постановил направить в Киевскую академию печатные дипломы и 4 магистерских креста для выпускников первого разряда [5, 428]. Несмотря на двойную дату данного синодального определения, в документах дипломатического ведомства датой утверждения святителя Феофана в степени магистра богословия значится только последнее число — 18 декабря 1842 года [19, 12–14; 31, 3].

Но это было не последнее синодальное постановление по данному вопросу. В последний день 1842 года — 31 декабря определением Святейшего Синода иеромонах Феофан (Говоров) был возведен в степень магистра богословия [12, 1–1 об.; 13, 45]. После этого началась процедура вручения магистерских дипломов и знаков отличия. Определение Святейшего Синода от 9/18 декабря 1842 года было зачитано на собрании Конференции Киевской духовной академии¹⁶, которое проходило 9 февраля следующего 1843 года [5, 426–428]. И только к празднику Пасхи этого года на иеромонаха Феофана был возложен магистерский крест [15, 22], и ему был вручен диплом об окончании академии [16, 20].

В это время произошло еще одно важное событие в жизни будущего святителя: он предпринял первую попытку опубликовать свои сочинения. В 1843 году три из четырех духовных академий имели свои печатные издания: «Христианское чтение» выходило в Санкт-Петербурге с 1821 года, «Воскресное чтение» — в Киеве с 1837, «Творения святых отцов в русском переводе» и «Прибав-

¹⁵ Кутневич Василий Иванович (1787–1866) — выпускник Петербургской духовной академии; с 1832 г. — обер-священник армии и флота; в 1833 г. назначен членом Комиссии духовных училищ.

¹⁶ Киевская духовная академия была ведущим учебным заведением в Киевском духовно-учебном округе, в который входило 12 региональных семинарий с училищами. В 1823 г. при академии была создана Конференция КДА. В ее состав, кроме действительных членов, вошли и представители киевского духовенства из числа бывших ее выпускников и преподавателей. Конференция КДА принимала участие в решении всех магистральных административных и научных вопросов академии.

ление к Творениям...» — в Москве с 1842. Несмотря на существовавший выбор среди академических журналов, иеромонах Феофан обратился к светскому издателю.

Причиной такого поступка, возможно, послужило мнение святителя Филарета Московского о магистерской диссертации иеромонаха Феофана. В отзыве указывалось: «...дабы сие сочинение с пользою могло быть издано, оно потребовало бы значительной переработки» [22, 13 об. — 14 об.]. После столь строгого вердикта иеромонах Феофан вполне мог усомниться, что и другие его сочинения будут одобрены к печати академическими издательствами, и обратил внимание на выходявший в столице «Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе русской народности»¹⁷. В задачи этого литературно-просветительского журнала входило объединение науки и литературы в просветительских целях, формирование самобытной русской философии и духовной эстетики на основе Православия, воспитание народного сознания в патриотизме и преданности Православной Церкви.

Авторы Маяка с позиций идеалов православной духовности подвергали критическому разбору произведения отечественной и зарубежной литературы того времени, выражая свое мнение бескомпромиссно и невзирая на авторитеты. За крайнюю строгость оценок творчества русских классиков этот журнал в XIX веке стал мишенью для резких нападок и язвительных обвинений в обскурантизме. Однако научные исследования XXI века с историей журнала «Маяк» связывают «утверждение и развитие духовного направления в русской литературе XIX века» [10]. Более того, признается, что «многие идеи „Маяка“, как ни удивительно, активно вписываются в неоднозначные поиски современного литературоведения, современной культурологической мысли в области осмысления сущности и функции искусства» [10].

Помимо литературных произведений на страницах Маяка помещались научные статьи. «Цель журнала была провести по всем наукам христианские начала и ввести их в жизнь семейную,

¹⁷ До 1842 журнал выходил с несколько иным названием: «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных».

гражданскую и государственную, умственную, духовную, художественную, торговую, служебную, военную» [30, 2], — впоследствии писал о Маяке святитель Феофан. Он сам стремился к осуществлению этой же идеи в преподавательской деятельности, считая «непреложным законом, чтобы всякая преподаваемая христианину наука была пропитана началами христианскими, и притом православными» [29, 50]. Из этого следует, что иеромонах Феофан обрел единомышленников в редакции Маяка.

Не будучи церковным изданием, Маяк широко представлял православную тематику в публикациях разного жанра, среди которых были исторические очерки и описания монастырей, духовная поэзия, проповеди православных иерархов, жизнеописания русских подвижников благочестия, беседы, рассуждения и письма духовных лиц. В 1843 году на страницах Маяка были опубликованы статьи однокурсников святителя по Киевской академии иеромонахов Макария (Булгакова) и Михаила (Монастырева, до пострига Андрея). По сообщению биографа святителя Феофана И. Н. Корсунского, первым, кто познакомился с редактором Маяка и принимал «живое и деятельное участие» в этом журнале, был «товарищ о. Феофана по академии о. Михаил Монастырев» [7, 90], и он же впоследствии активно содействовал их личному знакомству.

В пасхальные дни 1843 года (22 апреля) иеромонах Феофан впервые написал редактору журнала «Маяк» С. О. Бурачку¹⁸, препроводив ему свои «заметки для пробы» [18, 1]. Это произошло вскоре после возложения на будущего святителя отличительного знака ученой степени. Однако 28-летний инспектор семинарии не указал в письме ни своего имени, ни званий, обещав сделать это в следующий раз, если высланные материалы будут признаны пригодными для печати. Очевидно, он не желал, чтобы на мнение о его работах повлияло что-либо иное помимо самого текста, ожидая от опытного редактора критического подхода к своим сочинениям. Данное письмо было началом многолетней дружбы святителя Феофана и С. О. Бурачка, которых сближали глубоко

¹⁸ Степан Онисимович Бурачок (Бурачек, 1800—1876) — потомственный дворянин, ученый изобретатель, православный мыслитель, писатель, единомышленник и корреспондент святителя Феофана.

религиозный настрой и стремление к духовному возрождению всего российского общества на основе православной культуры.

В непродолжительный период служения иеромонаха Феофана инспектором Новгородской духовной семинарии он не только наращивал свой профессиональный опыт педагога и воспитателя юношества, но и вступил на многолетнюю и многоплодную стезю духовного писателя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Библиотека Новгородской духовной семинарии // <http://museum.novsu.ac.ru/body.php?chap=events&sub=7>.
2. Григорьева И. Л., Салоников Н. В. Новгородская духовная семинария в 40–60-х годах XVIII века // Вестник Новгородского Государственного Университета. 2000. № 16. С. 3–8.
3. Григорьева И. Л., Салоников Н. В. История библиотеки Новгородской духовной семинарии: 1706–1925 гг. // Вестник Новгородского Государственного Университета. 2009. № 53. С. 16–19.
4. Житие иже во святых отца нашего Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца. 10-е изд. СПб. 1893. 142 с.;
5. Журналы заседаний конференций Киевской Духовной Академии за 1843 г. // ИР НБУ. Ф.175. Ед. хр. 59/2. 1838–1847. Л. 426–430.
6. Климент, митрополит Калужский и Боровский (Капалин Г. М.). Служение святителя Феофана смотрителем Киево-Софийских духовных училищ. Богословско-исторический сборник. Калуга, 2018. Вып. 10. С. 114–124.
7. Корсунский И. Н. Смысл жизни и деятельности преосвященного Феофана (Говорова) // БВ. 1895. Т. 1. № 1. С. 82–111.
8. Крутиков И. Воспоминания о святителе Феофане Затворнике // ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1967. Л. 9—17 об.
9. Крутиков И. Святитель Феофан Затворник и подвижник Вышенской пустыни // ДЧ. 1897. Ч. 3. С. 108—117.
10. Мехтиев Б. Г. Журнал «Маяк»: духовная оппозиция журналистике 1840-х годов и романтизму М. Ю. Лермонтова: Автореферат дис. ...доктора филологических наук: 10.01.01.

Хабаровск, 2005 // <http://www.dissercat.com/content/zhurnal-mayak-dukhovnaya-oppozitsiya-zhurnalistike-1840-kh-godov-i-romantizmu-myu-lermontova>.

11. Опись сочинений студентов Киевской Духовной Академии IX учебного курса представленных его сиятельству господину Обер-Прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Николаю Александровичу Протасову // ЦГИАУ. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 237. Л. 31.

12. Определение Святейшего Правительствующего Синода об утверждении выпускников Киевской Духовной Академии в степени магистра богословия от 31 декабря 1842 г. // ЦГИАУ. Ф. 711. КДА. Оп. 3. Ед. хр. 267. Л. 1—1 об.

13. Определение Святейшего Правительствующего Синода об утверждении иеромонаха Феофана (Говорова) в степени магистра богословия // РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Ед. хр. 995. Л. 45.

14. Определение Святейшего Правительствующего Синода от 27 ноября 1842 г. о назначении на вакантную должность инспектора Новгородской духовной семинарии иеромонаха Феофана (Говорова) // РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Ед. хр. 1570. Л. 3—3 об.

15. Отношение правления Новгородской Духовной Семинарии в Киевскую Духовную Академию информирующее о получении и вручении магистерского креста инспектору Новгородской семинарии иеромонаху Феофану (Говорову) от 20 апреля 1843 г. // ЦГИАУ. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 237. Л. 22.

16. Отношение правления Новгородской Духовной Семинарии в Киевскую Духовную Академию информирующее о получении и вручении диплома на степень магистра богословия инспектору Новгородской семинарии иеромонаху Феофану (Говорову) // ЦГИАУ. Ф. 711. Оп. 3. Ед. хр. 237. Л. 20.

17. Письмо иеромонаха Феофана (Говорова) к Макриновым // ИР НБУ. Ф. 160. Ед. хр. 1968. Л. 1—1 об.

18. Письмо иеромонаха Феофана к Степану Онисимовичу Бурачку от 22 апреля 1843 г. // РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 440. Л. 1.

19. Послужной список иеромонаха Феофана (Говорова) за 1854 г. // АВПРИ. Ф.161. II-9. Оп. 46. 1854 г. Д. 7. Л. 12—14.

20. Предложение Обер-Прокурора Святейшего Правительствующего Синода графа Н. А. Протасова от 13 ноября 1842 г. о заме-

щении вакантной должности инспектора Новгородской духовной семинарии // РГИА. Ф. 796. Оп. 123. Ед. хр. 1570. Л. 1–2 об.

21. Рецензии на сочинения выпускников Киевской Духовной Академии и постановления Святейшего Правительствующего Синода об утверждении их в ученых степенях // РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Ед. хр. 995. Л. 9–51 об.

22. Рецензия митрополита Московского и Коломенского Филарета (Дроздова) на магистерской диссертации иеромонаха Феофана (Говорова) // РГИА. Ф. 796. Оп. 122. Д. 995. Л. 13 об. — 14 об.

23. *Рыбинский В. П.* Памяти Преосвященного Феофана, епископа Владимирского и Суздальского // Труды Киевской Духовной Академии. 1894. № 3. С. 421–435.

24. *Светлов Г. И.* Краткий очерк истории Новгородской духовной семинарии. Петроград, 1917. Вып. 1. 408 с.

25. *Секретарь Л. А.* Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики. Великий Новгород, 2010. 211 с.

26. Слова Санкт-Петербургской академии ректора архимандрита Феофана. — СПб., 1859. 329 с.

27. Слово инспектора Новгородской духовной семинарии иеромонаха Феофана Говорова на праздник Воздвижения Честного Креста Господня 1843 г. // ХЧ. 1858. Ч. 2. С. 196–202.

28. *Спасский П. Н.* 150-летие Новгородской духовной семинарии. 1740–1890. «Юбилейный сборник». Новгород, 1891. 149 с.

29. *Феофан, епископ.* Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетики). Заключительное прибавление к Письмам о христианской жизни. Вып. I. СПб., 1868. 112 с.

30. *Феофан, епископ.* Генерал-майор Степан Онисимович Бурачек, в нравственно-религиозном отношении // РО ИРЛИ РАН. Ф. 34. Ед. хр. 519. Л. 1–2 об.

31. Формулярный список ректора и профессора Олонецкой духовной семинарии архимандрита Феофана (Говорова) за 1856 г. // АВПРИ. Ф. 159. «Дела личного состава. Формулярные списки». Оп. 464. Д. 917. Л. 1–9.